
К ЮБИЛЕЮ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Александр Балтин
(г. Москва)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ДУХОВНЫЙ ДОМ ДОСТОЕВСКОГО

1

...он кажется, героем такой чистоты, что преступления будто бы не было.

Раскольников — сгусток большой совести, сострадания, желания помочь: неужели обладающий такими качествами человек возьмется за топор, воплощая выморочную идею...

...этак всякий пойдет старушек лущить: человек и развился, когда перестал использовать физическое устранение неприятных ему других, и стал пользоваться возможностями слова...

Впрочем, нет — убивали, убиваем и будем убивать: так устроены: не мешай, моя территория...

Но Раскольников убивает не из-за территории, едва ли процентщица так уж мешает ему: он ставит экзистенциальный эксперимент: над собой, над внутренним своим составом: выдержит ли...

Не выдержал.

Ахматова говорила, что Достоевский не знал всей правды, полагая, что убьешь старушку, и будешь мучиться всю жизнь; он не предполагал, что утром можно расстрелять пятнадцать человек, а вечером выбрать жену за не красивую прическу...

Может, предполагал?

Ведь нарисовал же бесов, пользуясь красками гротеска, вообще излюбленными им.

Не только ими: красками правды, предчувствия, постижения реальности, и человека в ней...

Раскольников верует буквально: то есть не очень глубоко; Достоевский, используя формулу: ...до тех пор, пока человек не переменится физически, предполагал, что такое возможно: значит, видел сквозь плотные слои материальности.

Как видел творящееся в недрах человеческих душ: а там закипает столько всего, что не захочешь, а напьешься...

И пьют у Достоевского, пьют многие; недаром черновое название «Преступления и наказания» — «Пьяненькие».

Пьяненькие, жалкие, вбитые в нищету...

Она хрипит старухой: скученность больших домов противоречит жизни, и опять Мармеладов развивает теорию бессмысленности просить в долг...

А... кто это выходит на сцену?

Крепкий, шекастый, разумеется, Фердыщенко, заставляющий усомниться в том, что воспоминания — ценность.

Ведь ежели хороши, их хочется повторить, когда худые — забыть, отказаться...

Из жизни не вычеркнешь ничего — как из черновика: замечали?

Невозможность отступления увеличивает безнадежность.

Мышкин проявится, но не в его силах будет изменить мир: оставшийся и после Христа таким же, как был: с насилием государств, войнами, тотальным неравенством, смертью, болезнями...

Люди не говорят, как у Достоевского: тем не менее, его людей — хочется слушать.

Они сбивают речевые пласты наползающими друг на друга структурами, захлебываясь, спеша...

Все спешит, все несется, мелькает калейдоскоп разнообразнейших персонажей; Карамазовы — это будто один, расчлененный человек, и Иван уравнивает мыслью сладострастие отца, который будет убит смердом, смердящим...

Нет людей хороших.

Нет плохих.

Снег падает на городские задворки; всякий человек — и белоснежен внутри, и грязен, как неприглядные задворки эти; Достоевский, показывая человеческое разнообразие, призывал быть терпимее друг к другу, добрее; всегда проводя через мрачные коридоры к астральному свету: надо только почувствовать...

2

Сундук, на котором ребенком спал Достоевский, можно увидеть в музее, располагающимся рядом с больницей, во дворе которой стоит странный, сильный памятник: писатель, словно разбуженный выстрелом... или: выдирающийся из лент небытия к сияющему простору мистического космоса.

Не от утлости ли того пристанища, где пришлось спать ребенку — банька с пауками? Потусторонняя тоска Свидригайлова, который уедет в Америку на энергии выстрела?

Страшные колодцы петербургских дворов — в Москве таких нету: недаром Достоевский именовал Петербург самым умышленным городом на свете, когда Москва обладала естественностью прорастания в явь.

Москва пьяновата и пестровата.

Петербург холоден и строг.

Вам жалко Макара Девушкина?

Ведь он жалок...

А вы сами?

Жалкое — вместе растерянное, детское есть в каждом.

И впрямь: мало живущий, ничего не знающий ни о Боге, ни о том свете человек таков, что его не может не быть жалко.

Но Достоевский провидел тайный свет, и постоянное стремление к оному — важнее даже огромной языковой работы, проделанной классиком.

3

Смертное манит, запредельное влечет; Кириллов, строящий теории самоубийства, больше вызывает сострадание, чем...

Провинциальная дыра становится вместилищем кошмаров, принимая в себе бесов.

В революции, кроме крови и жертв, Достоевский не видел ничего; и, ожидая кошмарных перспектив, не предполагал общечеловеческого прорыва к свету.

...который знал, как мистическую основу бытия; свет, определяющий жизнь, влекущий, манящий...

4

Суть Достоевского — свет: дорога к оному, прохождение сквозь лабиринты, ради обретения световой гармонии.

Бытует мнение о хаотичности языка классика: это так, и нет.

Действительно, Достоевский с неистовостью — точно текст летит над земными препонами — сбивает пласты разных речений: канцеляризм, жаргон, тут захлест всего, мешанина, но — именно такой язык и нужен для построения лабиринта, ведущего к световым просторам, столь редко встречающимся в жизни.

Если бы было иначе, не вышло бы эффекта, и речь на могиле Илюшеньки не прозвучала бы такой чистотой и болью.

Раскольников кажется чистым настолько, что убийство невозможно: будто это развернулись фантазии его.

Но нет — дребезжат детали, громоздится мерзкий быт, выглядывает из щели двери отвратная старушонка.

Мерзкого много, провинциального много, церковных долдонов много.

Страха, страсти.

Мышкину не найдется места — как не сложится условий для второго пришествия, как невозможно представить условия посмертного бытования.

Достоевский кажется всеобщим братом и всем другом.

И мерцает слезинка ребенка — вечным предупреждением.

5

Слезинка ребенка мерцает предупреждением, не услышанным миром.

Не увиденным.

В своей огромности и вечном захлесте страстей мир сносит подобные мелочи — которые так велики сущностью.

В недрах себя каждый согласится с Достоевским, но внешнее организовывается сложно — боль и насилие продолжают созидать мир.

Книги не меняют его.

Но и без книг совсем захлебнулся в несправедливости и прагматизме.

6

Шаржированный Тургенев, представленный Кармазиновым, другим — с точки зрения Достоевского — быть не мог: тут противопоставление двух противоположных форм творчества: бурление, поток, истовость Достоевского, и ориентация на конкретный шедевр у Тургенева.

Слишком разные: и уважительное друг к другу отношение в жизни будто бы ничего не значило.

...бесы клубятся в провинциальной дыре: надо же откуда-то начинать.

К ним не относится Кириллов: как-то криво втянутый (или почти) в их компанию.

Теоретик самоубийства, так глубоко погруженный в себя, что действительность вторична.

Сумрачный колорит: не мог быть другим — вот появляется Шигалев, глядящий мрачно, рисующий панорамы грядущего мира: даже не тиранического, а дьявольски искаженного...

Революционеры спародированы?

Нет, методы их слишком претили Достоевскому, не верившему в подобные возможности переустройства общества, думавшему, что слезинка ребенка...

А мир может меняться только через кровь: как ни ужасно это: назовите хоть одно человеческое значительное свершение, обошедшее без оной...

Мир, меняющийся через кровь, не устраивает классика, заваривающего крутую провинциальную драму.

Пока провинциальную: она выплеснется в глобальный масштаб, исказив всю действительность, меняя ее, поднимая одних, низвергая других, ломая души, и...

Все смешивается в алхимическом огромном сосуде классика, где впервые появляются очевидно плохие, почти без оттенков: Верховенский и проч...

7

Зеркало должно быть огромно, чтобы отразить душу народа; оно будет неровно — и выпукло тою болью, что живет в ней, и сиять, как сияет свет затаенной надежды.

Суммарный свод книг Достоевского, отшлифованный временем, превращается именно в такое сверкающее зеркало.

...ибо кристалл души Раскольников чист, как у ребенка; ибо фантом его зловещей фантазии, выданной за интеллектуальное построение, точно проносится мимо: хотя убийство было, этого невозможно отрицать; но накал муки — проедающая сущность героя совесть — так высок, а страдания в заключении столь серьезны, что и содеянное растворяется в них.

...ибо нового Христа не ждет реальность, о чем знает прекрасно русифицированный Великий инквизитор, но Мышкин, возвращающийся из Швейцарии, все же хочет проверить возможность родной земли принять новое проявление пророка.

...ибо Карамазовы — точно... не амбивалентность даже, а «расчетверенность» души русской, где Алеша — световой полюс, Иван — интеллектуальный вектор, причудливо изгибающийся, раз не выдерживает умственного напряжения, Митя — ярость страсти и лютей порыв щедрого сердца, а Федор — тьма земного пути; сложный суммарный портрет русского бытия ложится отражением в пласт гигантского зеркала, нечто проясняя, еще больше запутывая многое...

...ибо бесы всегда, или часто рядятся в одежды всеобщего благополучия, ни в грош не ставя чужую кровь, не желая проливать свою.

Но — даже и Макарь Девушкин: жалкий, крошечный, смешной человек есть писк униженного русского естества; тщетный звук мечты о корочке счастья.

...ибо Сонечка Мармеладова найдет ядовитую сладость в посприятие собственного «я» ради жизни близких; а сотворить чудо ради них может каждый.

И все загнутые сложно, с заплесневелыми стенами лабиринты, письмена правды проступают на каких сквозь мутные потеки времени, выводят к свету: в этом суть.

Речь на могиле Илюшеники прожигает ступками душевных, высших лучей смертный, свинцовый морок яви.

Мышкин оставляет след в живущих — и светится он, призывая к правде.

Даже Фердыщенко, предложивший салонную, пустую игру, подразумевал звенящие струны совести.

...как не современно все!

Как противоречит технологической, прагматизмом скрученной, целесообразностью напитанной яви.

И — как мощно, верно работает зеркало, отражая прошлое, созидая грядущее.

8

Двойник, Петербург, темные лестницы, богатые квартиры, где гудят праздники, требующие великолепного масла великого художника; Белинский, оставшийся недозвоненным повестью...

Естественно — ее абсурдные изломы, равно, как и снежные ночи, где один персонаж встречает другого: себя самого — были далеки от того разлива реализма, который критик ожидал от молодого тогда писателя.

Титулярный советник!

Сколько их проявилось на русских страницах!

Мелкие и смешные, неудачливые и затерянные в толпе, чудаковатые и несчастные: они представляли собой пестрые калейдоскопы тогдашних людей; и Яков Петрович не являлся исключением.

Вот он бестолково топчется целый день по делам, сидит у доктора, то отказывается принимать лечение, то соглашается на лекарства; потом бессмысленно перемещается по городу: этому умышленному городу с его архитектурными ущельями...

Впрочем, почему бессмысленно: смысл в том, чтобы встретить себя самого: Якова Петровича Голядкина, свою худшую часть, которая постепенно возобладает.

Однако, и хорошая-то не очень хороша: тут даже не маленький человек: а козявка какая-то...

Очень реальная козявка, не отступающая от реалистических правил изображения действительности.

Все серо-черное, мчащееся куда-то; вяло бормочущий двойник, постепенно забирающий жизнь основного персонажа...

В каждом из нас живет такой — и тут уж ничего не попишешь.

Однако, зафиксированного словесно не отменишь, и бегут Яковы Петровичи Голядкины, соревнуясь, бегут, опережая друг друга, не зная, кто победит.

9

Щекаст, но едва ли розовощек — он выходит на сцену, хотя стоит сбоку, теребя края малинового занавеса...

Он совсем не оптимистичен, и заранее просит денег в долг ему не давать; да и фамилия его — Фердыщенко — топорщится нелепо.

Он введен, как функция, хотя и выглядит, как человек: его миссия — разбередить в вас худое, заставить его показаться, проявиться на свету, дабы стыд прожег кислотой сознание...

Что такое покаяние?

О! это вовсе не разбивания лба об церковный пол, с последующим повторением всех жизненных гадостей, на какие только вы способны.

Покаяние — это осмысление плохого: с тем, чтобы не повторялось оно, отпустило из плена.

И вот тут необходим метафизический Фердыщенко, который обязательно выйдет на сцену, ежели у вас совсем не атрофирована совесть.

Да, разумеется, можно вспомнить многочисленные истории маугли — не того,

романтизированного Кипплингом мальчика, но подлинных — сотню, или две — росших среди зверей, и не имевших представления о совести; но ведь заложена она в нас, впечатана во внутренний состав, только толчки нужны, чтобы проснулась...

Если становится меньше и меньше таких воспитательных толчков, люди деформируются, расчеловечиваясь.

Что и наблюдаем сегодня.

Так, что не хватает Фердыщенко: и помощнее чтобы был, настойчивей требовал исцеляющих воспоминаний...

10

Страшно быть смешным, саднящее постоянное нечто разъедает душу, и сам себя таким считаешь: смешным, нелепым...

Сколько таковых вписано в жизнь: ратоборствовать с реальностью сил не дали, и доказывать ей, что ты не такой — не получится...

Узел закрутится туго, как на любой странице Достоевского: смертельно затосковавший смешной человек, окончательно решивший убить себя, отогнал криком девочку, подбегавшую к нему на улице с бедою своею, аж текшей из глаз; и, придя домой к себе, в пятый этаж, сильно заела совесть смешного...

Мол, тут уже не смешной выходит, а подлый.

Подлый-подлый, весь коричневый внутри, бурый, а бурый — цвет греха.

Выстрел отдалился, настал сон, появилась совсем другая жизнь.

Вот и сознание после смерти оказывается живет: несется себе среди пространств, пока не начинает гореть солнце, и не открывается солнечный мир: почти, как наш, только лишенный всего земного негатива: о! сколько его ныне — в геометрической прогрессии вырос, вот бы поразился смешной-то...

И вот затесавшийся в другую жизнь — без права на это — смешной человек сеет среди идеального свое — негожее, и сеет... как-то сам не желая того: просто ведь не таков, как они, не знающие зла...

А просыпается — с изменившимся лицом, и с четким осознанием, что лучше сеять любовь среди несовершенного мира, чем наоборот...

Суть тут — в изменившемся лице, в осознание, которое делает лицо таковым; а еще, верно, в том, что надо побыть подлинно смешным — для других — чтобы дорастить до откровения любви.

11

Аркадий Макарович Долгорукий — о себе, о событиях, вовлекших его метафизическим — через земные данности водоворотом; о своей заветной идее...

Она бесхитростна — с одной стороны: стать Ротшильдом; она громоздка и избыточна: утвердиться среди людей, считающих его подростком.

Таков ли он?

Записки наслаиваются, вихряются, летят; скорость происходящих событий увеличивается, Версиров снова что-то говорит; и снова все — все! — воспринимают Аркадия подростком, каким ему так не хочется быть.

Взросление трудно: во все времена.

Вхождение в жизнь, с необходимостью притираться к ней, приноравливаться ко всем ее каверзам и шероховатостям мучительно...

Разнообразии мук велико, и шкала их никем не рассчитана.

Незаконнорожденный, и при знакомстве, когда узнают фамилию, произвольно интересуются: не князь ли?

Много унижений претерпевший в пансионе Тушара, обдумывает жизнь, и, вместе с классиком, вопрос: растут ли после 19 лет?

Растут до конца дней своих, и потом — о чем ведал Достоевский.

Жизнь — форма бесконечного роста; хотя земная — кажется просто движением к смерти, с напластование массы нежного на пути.

Всепримирение идей и всемирное гражданство Версилова есть одна из коренных русских болей: а всевозможного российского «боления» в «Подростке», как и в других махинах Достоевского много, с избытком.

В России был и Николай Федоров — со своими, так толком никем и не понятыми идеями.

Мелькают коридоры, которыми проходит Аркадий: они усложняются, повороты закручиваются, записки растут...

И мерцают, разворачиваясь, поля метафизики: над романом, внутри него; мерцают, втягивая себя — даже ежели и не хочешь.

12

Игра прожигала Достоевского, организуя периоды его жизни, готовя почву будущих книг; игра звенела медными дисками в его сознание, взрывалась, уводила реальность из-под ног.

Игра лентами вливалась в роман, и Алексей Иванович повторял зигзаги своего автора, будучи союзным с ним во страсти.

Игра игрока.

Философия ощущений.

Ощущения, обнаженные до кровотокового предела, до тока, сильно бьющего с проводов действительности.

Игра, как объект исследования.

Достоевский тяжело изживал свои страсти.

13

На телеге едет в Оптину, готовый созидать словесную гроздь такой силы, что перед ней померкнут предыдущие...

Прощается с жизнью, распределив пять минут, и как много кажется это, как много...

А вот Достоевский, везомый в ссылку: в дичь и боль отношений, в холод, в не проходящую боль...

Игра, калящая неистово: ночью врывающийся к жене игрок, похищает тальму ее, чтобы вновь проиграть...

Неистовство!

Язык, закручиваемый турбулентно, мчащийся лентами самых различных речений: мастеровщины, чиновничества; густейшая плазма людей, собираемая на пяточке каждого пространства; нищие, тараканьей жизнью набитые дома...

И — сострадание ко всем; неистовая бездна сострадания, рубиновые его стигматы, горящие на душе.

Не пройдут.

С «Бедных людей» началось: униженное, жалкое, мелкое...

Маленький человек Достоевского меньше мелкого: и любит, любит его писатель, высказавшийся за всех униженных и оскорбленных.

Едет в Россию русский вариант Христа, возвращается из тихо-комфортной Швейцарии, едет, покуда в сознание одного из черным мазанных зреет Легенда.

Легенда, согласно которой Христос не нужен: и без него все слажено в мире, все соты подогнаны, все руководство распределено.

Очень актуально.

Никогда не стареет.

И зреют в дрянной щели городишки, гаже которого не придумать, планы по изменению мира: столь же глобальные, сколь и жестокие, зреют, наливаются соком бесы, уговорят мечтательного тихого Кириллова покончить с собой — с целью.

Мол, ради дела...

Раскаленная плазма Достоевских текстов выливается в души — чтобы выжигать все темное, зверовидное, чтобы оставался свет, ибо Достоевский всегда выводит к свету...

14

Она писала об отце, кропотливо восстанавливая его образ; она писала о специфике бытования писателя в общей среде, которую он, преобразуя словесной мощью, должен словно перевоплощать — на века, для грядущих людей.

«Великий писатель еле соприкасается с землей, он проводит жизнь в фантастическом мире своих образов. Он ест механически, не замечая, из чего состоит обед; он удивляется, что наступила ночь, и ему кажется, что день только что начался.»

Так повествовала Любовь Достоевская об отце: и, словно отдернутая дочерью портьера, открывала вход в лабораторию, умноженную на сад: сиятельное место обитания классика, который... еще не был классиком:

«Никто не мог тогда предвидеть, какое выдающееся положение займет Достоевский позже не только в России, но и во всем мире. Он сам не предугадывал этого. Его начали уже переводить на иностранные языки, но отец не придавал значения этим переводам.»

Слава, вызревшая медленно — в мировую, туго налитую гроздь...

(Впрочем, нынешний, избыточно технологический мир, заставляет усомниться, что, если спросить многих на улицах Филадельфии или Дублина, получишь вразумительный ответ на вопрос: Кто же такой Достоевский...)

Тем не менее, роль, которую сыграл классик в жизни различных социумов, сложно переоценить, и Л. Достоевская, фиксируя многое, метафизически просвечивая разные линии жизни писателя, иногда позволяя себе спорные утверждения, предоставила будущему значительный материал для постижения образа одного из величайших писателей мира.

15

Вместе с братом интересовался учением французских социалистов, увлекался фурьеризмом, мечтая о переустройстве общества, видя, насколько оно пропитано несправедливостью: почти кровоточащей субстанцией...

Михаил Достоевский был творчески зависим от брата: несколько его повестей: «Дочка», «Господин Светелкин», «Два старичка», и др. — сильно просвечены «Бедными людьми», правда — с большим уклоном в сентиментализм.

Он был одаренным редактором; он болел этим делом, и Страхов писал, что умер М. М. Достоевский прямо от редакторства...

Он был талантлив: и упоминание о нем в истории русской культуры осталось бы и без колоссальной фигуры Федора, тень которого точно укрупняет всех людей, попавших в нее.

...так и Андрей Михайлович — замечательный мастер, ярославский губернский архитектор, спроектировавший и построивший много знаний — оставил специфические воспоминания: поквартирные.

Так — он решил составить записки обо всей своей жизни: сообразуясь со сменами квартир, словно избрав специфические призмы, сквозь которые рассматривал пройденную им реальность.

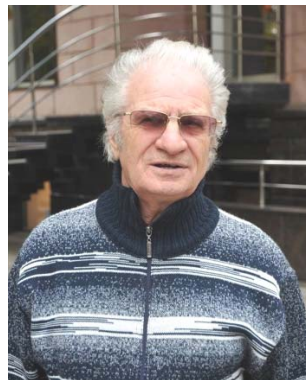
Неоднократно прерывал он записки, а после смерти гениального брата предоставил те их части, что относились к детству, первому биографу Федора Михайловича — Оресту Миллеру.

...но мемуары потом были закончены: и суммарно дают интересную панораму тогдашней жизни, добавляя вместе с тем штрихи к портрету классика...

Валерий Ганский
(г. Саратов)

ДОСТОИНСТВО ДОСТОЕВСКОГО

Наш постоянный автор.

«Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Ф. М. Достоевский

Род писателя происходил из древнего рода Ртищевых, потомков защитника православной веры Юго-Западной Руси Даниила Ивановича Ртищева. Боярин Даниил Ртищев получил от князя Федора Ярославича, княжившего на белорусских землях (тогда они назывались Литвою), жалованную грамоту на имение Достоево. Так они и стали Достоевскими. Еще внук Даниила Федор носил обе фамилии. Род Ртищевых внесен в родословную книгу Саратовской губернии. На земле саратовской ныне находится районный центр — город Ртищево, история которого происходит от села Ртищево. Село Ртищево возникло в конце XVI — начале XVII веков. Его жители считали себя выходцами из Перемышльской земли, одной из исторических земель Русского воеводства Королевства Польского, центра Червонной Руси.

К началу XIX века род Достоевских обеднел. Дед писателя, Андрей Михайлович Достоевский, служил протоиереем в городке Брацлаве Подольской губернии. Отец писателя, Михаил Андреевич, закончил Московскую медико-хирургическую академию. Эту же академию оканчивали Алексей Иванович Кикин (1803—1852) — московский профессор зоотомии, и Павел Николаевич Кильдюшевский (1799 — 1858) — доктор медицины, действительный статский советник, почетный гоф-хирург. В 1830 году во время эпидемии холеры оба были командированы в Саратов; Кикин производил исследование болезни, с самоотвержением вскрывая трупы умерших, и в 1831 году напечатал «Disquisitio anatomico — pathologica in hominibus choiera morbo extinctis anno 1830». В 1812 году, в период Отечественной войны, Михаил Достоевский сражался против французов, а в 1819 году женился на дочери московского купца Марии Федоровне Нечаевой. Выйдя в отставку, Михаил Андреевич определился на должность лекаря Мариинской больницы для бедных, которую прозвали в Москве Божедомкой.

В 1820 родился старший сын Михаил. Через год — Федор (Дар Божий с греческого). «Оба старшие брата были погодки, росли вместе и были чрезвычайно дружны между собою. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров. Старший брат Миша был в детстве менее резв, менее энергичен и менее горяч в разговорах, чем брат Федя, который был во всех проявлениях своих настоящий огонь, как выражались наши родители», — вспоминал младший брат Андрей Михайлович Достоевский (1825—1897). В некрологе Федор Михайлович писал о старшем

брате: «Он был человек образованный, развитый, уважавший литературу и сам литератор, страстно любивший поэзию, и сам поэт». «Так как они <Михаил и Федор Достоевские> росли, никогда не покидая отцовский дом,— пишет дочь писателя Л. Ф. Достоевская,— не зная жизни, без товарищей, не бывая в обществе, они были большими детьми, наивными и романтическими мечтателями. Страстная дружба связывала обоих братьев. Они жили в мире фантазий, много читали, обменивались литературными впечатлениями и восторгались произведениями Пушкина, бывшего идеалом обоих».

С осени 1834 по весну 1837 годов Достоевские посещали частный пансион Л. И. Чермака, в котором преподавали астроном Д. М. Перевошиков, палеолог А. М. Кубарев. (Сын Л. И. Чермака Карл Леонтьевич в 1849—1860 годах был директором Тифлисской гимназии). Учитель русского языка Н. И. Билевич сыграл определенную роль в духовном развитии братьев Достоевских. «Чермак содержал свой почти образцовый пансион более чем 25 лет; ученики из его пансиона были лучшими студентами в университете, и в заведении его получили начальное воспитание люди, сделавшие впоследствии видными общественными деятелями.

1837 год стал важным в биографии Достоевских. Это год смерти матери, год смерти Пушкина. Дочь писателя Л. Ф. Достоевская пишет: «Моя бабушка Мария проявляла большой интерес к чтению ее детей. Она была мягкой, красивой, преданной супругу женщиной, посвятившей всю себя своей семье. Многочисленные роды подорвали ее и без того слабое здоровье. Она целыми днями оставалась в постели и любила, чтобы сыновья читали ей свои любимые стихи. Старшие, Михаил и Федор, нежно ее любили. Когда она, еще молодая, умерла, они горько ее оплакивали и сочинили стихи, которые дед приказал высечь на мраморном памятнике, что он установил на могиле своей верной спутницы». (Это была надпись из «Эпитафий» Н. М. Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра...»).

В 1839 году умер отец Михаил Андреевич. По воспоминанию детей, отец был человеком независимым, образованным, заботливым семьянином, но обладал характером вспыльчивым и подозрительным. После смерти жены в 1837 вышел в отставку, поселился в Даровом. По документам, умер от апоплексического удара, а по воспоминаниям родственников и устным преданиям был убит своими крестьянами. Старший брат М. М. Достоевский писал уже юношей отцу: «Пусть у меня возьмут все, оставят нагим меня, но дадут мне Шиллера, и я позабуду весь мир!» — он знал, конечно, что отец поймет его, так как и он был не чужд идеализма. Эти слова мог бы написать отцу и Федор Достоевский, вместе со старшим братом бредивший в юности И. Ф. Шиллером, мечтавший обо всем возвышенном и прекрасном.

«В декабре 1840 года приехал в Петербург Михаил Михайлович [Достоевский] держать экзамен на чин прапорщика полевых инженеров <...>. Квартира его была на Васильевском острове <...>. Здесь мы встречались часто с Федором Михайловичем. Михаил Михайлович <...> нам читал отрывки своих переводов шиллеровского "Дон Карлоса"... 16 февраля 1841 г. Михаил Михайлович, покончив с прощальными визитами, собрал немногочисленных своих знакомых и друзей на прощальный вечер. Здесь был и Федор Михайлович, который в первый раз нам читал отрывки из двух драматических своих опытов: "Марии Стюарт" и "Бориса Годунова"». Впечатление, произведенное актрисой г-жой Лилла Леве на Федора Михайловича в роли Марии Стюарт, было до той степени сильно, что он решил разработать этот сюжет для русской сцены, но не в виде перевода или подражания Шиллеру, а самостоятельно и согласно с данными истории», — вспоминал друг Достоевского Александр Ризенкампф.

С января 1838-го Федор Достоевский учился в Главном инженерном училище, которое окончили известные саратовцы, выпускники первой мужской гимназии: поэт Эдуард Губер, русский электротехник, военный инженер, изобретатель Павел Яблочков. Учебу в училище Федор описывал так: "...с раннего утра до вечера мы в классах

едва успеваем следить за лекциями. ...Нас посылают на фрунтовое ученье, нам дают уроки фехтованья, танцев, пенья ...ставят в караул, и в этом проходит все время...". В училище он близко сошелся с братьями Бекетовыми, уроженцами села Новая Бекетовка (бывшая Алферьевка) Пензенского уезда, одно время входившего в состав Саратовской губернии, предками поэта Александра Блока.

За год до оставления военной карьеры Федор Достоевский впервые переводит и издает «Евгению Гранде» Бальзака (1843 год). Год спустя выходит в свет его первое произведение, «Бедные люди», и сразу становится знаменитым. Следующая книга — «Двойник» («Петербургская поэма. Приключения господина Голядкина»). Работать над «Двойником» Достоевский начал в 1845 году, когда гостил у брата Михаила в Ревеле (ныне столица Эстонии Таллин). В Ревеле Федор Достоевский стал крестным отцом своего племянника, полного своего тезки. Достоевский всю жизнь относился к своему племяннику с большой нежностью. «Помню, как иногда я нарочно злился на Федю,— писал Достоевский к его отцу М. М. Достоевскому в январе — феврале 1847 г.,— которого любил в то же самое время даже больше тебя». Первые годы жизни Ф. М. Достоевского-младшего прошли в петербургской квартире писателя. Учился в 5-й Санкт-Петербургской гимназии, затем — в музыкальных классах при Петербургской консерватории, где его педагогом был А. Г. Рубинштейн. Уже 14-летним подростком Ф. М. Достоевский-младший начал давать концерты столичной публике. «Старший сын Федя — красивый юноша,— писал брат писателя Н. М. Достоевский своему брату А. М. Достоевскому 18 ноября 1862 г.,— ростом выше брата на целую голову, добрый парень с огромнейшим музыкальным дарованием. Играет на фортепиано лучше многих у нас в Питере довольно известных пианистов. Вот почему брат взял его из пятого класса гимназии и отдал в музыкальную консерваторию, где, кроме специального музыкального образования, преподают гимназический курс». Когда умер его отец, за учебу стал платить Достоевский-писатель, а сам он стал зарабатывать уроками музыки. Федор Михайлович-младший был шафером на свадьбе своего крестного отца 15 февраля 1867 года. «Свадьба была назначена на семь часов,— вспоминает А. Г. Достоевская,— а к шести за мною должен был приехать племянник Федора Михайловича — Федор Михайлович младший, которого мой жених выбрал своим шафером <...>. Наконец, уже в семь часов, Федор Михайлович младший поспешно вошел в комнату и заторопил меня: «Анна Григорьевна, вы готовы, поедемте! Ради Бога, поедемте скорее! Дядя уже в церкви и страшно беспокоится, приедете ли вы? Мы до вас ехали более часу, да назад придется ехать не менее. Подумайте, как измучается за эти два часа Федор Михайлович!»

После смерти матери Каролины Эмилии Федоровны фон Дитмар Достоевской и получения приглашения от вдовы генерал-лейтенанта Ольги Карловны фон Ретерн, начальницы Саратовского Маринского института благородных девиц, построенный и открытый по указу Николая I, 23 сентября 1879 года племянник приехал в Саратов. В Маринском институте Ф. М. Достоевский преподавал музыку, основал музыкальную библиотеку. В основу музыкального образования институток была положена русская и зарубежная классическая музыка. Его жена Валентина Савельевна Копцева тоже была музыкальным педагогом. Как и у старшего Федора Михайловича, у младшего тоже было четверо детей: два сына и две дочери, родившиеся в Саратове. В 1884 году появилась на свет Татьяна Федоровна Достоевская. Татьяна Федоровна известна тем, что вместе с одной из внучек Л. Н. Толстого в 1920-е организовала в Калуге литературно-музыкальное общество. Потом преподавала в музыкальных училищах Калуги и Москвы. Несколько ее учеников стали известными музыкантами и композиторами. Ее жизнь трагически оборвалась весной 1958 года из-за врачебной ошибки. Гнойный аппендицит посчитали раковой опухолью. Трагична судьба ее брата Милия Федоровича Достоевского (1884—1937). Он был выдающимся историком-востоковедом, специалистом по восточному искусству, археологом, лингвистом-

полиглотом (владел 14 языками, в т.ч. китайским и японским). Его, инвалида, якобы «японского шпиона», осудили и отправили в лагерь. Он умер в заключении.

Всеволод и Ольга родились в 1887 году и прожили всего год.

В 1880—1881 годах Федор Михайлович был директором Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества и преподавал в музыкальных классах этого общества, давал концерты в Коммерческом клубе. Открыл в Саратове свой музыкальный магазин. В 1882/1883 учебном году в Саратовское отделение ИРМО поступили пожертвования от коллежского советника Ф. М. Достоевского. 27 лет, с 1879 по 1906 годы, трудился в Мариинском институте Федор Михайлович Достоевский. Прах племянника Достоевского покоится на одном из кладбищ Саратова, но могила его неизвестна. Символично, что ныне в бывшем здании Мариинского института благородных девиц располагается средняя общеобразовательная школа № 95 с углубленным изучением отдельных предметов, в которой существует литературно-краеведческое общество «Спутники Ф. М. Достоевского». А во дворе школы пять лет назад торжественно открыт бюст императору Николаю I, который великодушно даровал помилование будущему великому писателю Федору Михайловичу Достоевскому, гласившее: «Сослать в каторжную работу на четыре года, а потом рядовым... Объявить о помиловании лишь в ту минуту, когда все будет готово к исполнению казни». На торжественном открытии тогдашний председатель Комитета общественных связей и национальной политики Борис Шинчук заявил, что это «будет способствовать воспитанию патриотов своей Родины».

...«Мы с братом стремились тогда в новую жизнь,— вспоминал Федор Достоевский в "Дневнике писателя" за 1876 г. о поездке в Петербург,— мечтали об чем-то ужасно, обо всем "прекрасном и высоком"... мы дорогой сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух». И вот 27-летний москвич Федор Достоевский в 1848 году пишет романтическую повесть о Петербурге «Белые ночи».

Но вскоре романтика белых ночей превратилась в черные дни. Рано утром, в 4 часа 23 апреля 1849 года, к Федору Михайловичу Достоевскому по личному приказу Николая I пришли жандармы, арестовали по делу Петрашевского и заключили в Петропавловскую крепость. 8 месяцев Достоевский провел в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости под следствием, во время которого проявил мужество, скрывая многие факты и стремясь по возможности смягчить вину товарищей. С 6 мая по 24 июня 1849 года находился в Петропавловской крепости старший брат Михаил Михайлович и был освобожден во многом благодаря Федору Достоевскому, доказавшему на следствии непричастность брата к деятельности петрашевцев. «Брат мой никогда не принимал никакого участия в разговорах у Петрашевского», — показывал Достоевский на следствии. В Петропавловской крепости в 1790 году сидел Александр Радищев и написал там "Повесть о Филарете милостивом". Через 13 лет, в 1862 году, станет арестантом одиночной камеры в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости Николай Чернышевский и напишет там свой популярный роман «Что делать?» Еще через 13 лет, в 1875 году, в Петропавловской крепости окажется еще один русский писатель — Николай Каронин-Петропавловский, чей надгробный памятник стоит на Воскресенском кладбище в Саратове. В Петропавловской крепости Федор также написал рассказ "Маленький герой", а в 1857 году Михаил его напечатал.

Федор Достоевский был признан следствием виновным в «умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка». Первоначальный приговор военно-судной комиссии гласил: «...отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и пра-

вительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишит чинов, всех прав состояния и подвергнут смертной казни расстрелянием».

*Барабаны, барабаны... Петрашевцев казнят!
Балахоны, балахоны, словно саваны, до пят.
Но один, пургой обвитый, молчалив и отрешен,
Тайно всю Россию видит сквозь бессильный капюшон...*

(Евгений Евтушенко «Петрашевцы»)

Четыре года Достоевский провел на каторге в Омске. Тяжелая жизнь каторжанина, физическая усталость не мешали ему наблюдать жизнь и анализировать происходящее. Будучи осужденным, он задумал создать роман о преступлении. «Все сердце мое с кровью положится в этот роман», — мечтает автор. Воплотить свою идею в жизнь писателю удалось лишь спустя несколько лет. В период с 1860 по 1866 годы он работает со старшим братом в собственном журнале, пишет «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», «Зимние заметки о летних впечатлениях» и «Записки из подполья». Проблемы, затронутые в этих романах, найдут свое отражение в «Преступлении и наказании».

В 1980 году на советских киноэкранах демонстрировался фильм режиссера Александра Зархи «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» — биографическая драма. Октябрь 1866 года. Трудный и мрачный период в жизни писателя. Похороны жены, затем брата, долги и неустроенная личная жизнь. Подписан кабальный договор с издателем Стелловским, по которому в короткий срок необходимо предоставить рукопись нового романа. По совету друзей Федор Михайлович воспользовался услугами стенографистки, одной из лучших слушательниц курсов Ольхина. За то малое время, которое оставалось для работы, был закончен роман «Игрок». Нежное, искреннее чувство, возникшее между писателем и его помощницей, переросло в любовь. Анна Григорьевна, поборов сомнения, становится его женой и верным другом. Роль Федора Михайловича Достоевского исполнял культовый актер Анатолий Соловьев, чье детство и школьные годы прошли в Саратове.

10 лет тому назад на экранах наших телевизоров шел телесериал режиссера Владимира Хотиненко «Достоевский» с нашим земляком Евгением Мироновым в главной роли. Сериал рассказывал о жизни Федора Михайловича Достоевского. Приоткрывая кулису его личной жизни, картина захватывала период с того момента, когда Достоевский был приговорен к смертной казни за участие в кружке петрашевцев, до времен создания «Братьев Карамазовых». Трагичная, уникальная судьба, полная тяжелых испытаний и невероятного накала чувств. Ссылка в Сибирь, долгие годы в изоляции, затем заграница, любовь к Аполлинии Суловой, смерть жены. Постоянные долги, борьба с собственными страстями, дружба и вражда с талантливыми писателями — Некрасовым, Тургеневым. И творчество, итогом которого стали всемирно известные произведения. Евгений Миронов рассказывал: «Фильм показывает Достоевского в возрасте от 29 лет, когда его посадили в острог, и почти до самого финала его жизни. И я играю его во всех возрастах. В этом-то и была сложность: найти, как он меняется. Как стареет Федор Михайлович, оставаясь при этом Достоевским? Честно говоря, мне помогал грим. И пластика. Но самое главное, что в Достоевском оставалось — "горящий глаз", его максимализм во всем: по отношению к себе, и к жизни, и к обстоятельствам, и к вере. Глаз "горел" до последнего».

Знаменитый физик Альберт Эйнштейн восхищался творчеством Достоевского, о чем в 1930 году признавался, что русский писатель оказал на него даже большее влияние, чем Гаус. Немецкий философ, филолог, композитор и поэт, один из основателей философии жизни Фридрих Ницше признавал, что Достоевский был единственным психологом, у которого он мог кое-чему поучиться («Сумерки идолов»).